

ПОИСКИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ «ОБЩЕЙ ИДЕИ» И ЦЕЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В «СКУЧНОЙ ИСТОРИИ» А.П. ЧЕХОВА

Лариса Грицук
Беларусь, Брест
loragritsuk@tut.by

Аннотация. В статье рассматривается поднятая А. П. Чеховым проблема отсутствия духовности, духовного бытия в жизни русской интеллигенции конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: духовность, быт, «общая идея», нравственность, равнодушие

Search for intelligence of the ‘common idea’ and the purposeful vision of the world in the *Boring Story* by A. P. Chekhov

Larisa Gritsuk
Belarus, Brest
loragritsuk@tut.by

Abstract. The article deals with the problem of lack of spirituality, spiritual existence raised by A. P. Chekhov in the everyday life of Russian intellectuals in the late 19th – early 20th century.

Keywords: spirituality, everyday life, ‘general idea’, morality, indifference

Свой путь А. П. Чехов видел в исследовании реального бытия современной ему интеллигенции, преимущественно ее «среднего» звена. Его глубоко огорчало, что русская общественность мало, почти совсем не знакома со своими великими учеными-современниками, с их благородным, героическим трудом. Чехов не переставал сетовать на то, что в России больше знают и больше пишут и читают о губернаторах и зрителях тюрем, чем о крупнейших ученых века. Жизненный подвиг последних остается в тени, и не только «толпа», но и образованная публика не знает своих истинных героев. Профессор Николай Степанович выражает мнение самого А. П. Чехова: «В нашем обществе все сведения о мире ученых исчерпываются анекдотами о необыкновенной растерянности старых профессоров и двумя-тремя остротами... Для образованного общества этого мало. Если бы оно любило науку, ученых и студентов... то его литература давно бы уже имела целые эпопеи, сказания и жития, каких, к сожалению, она не имеет теперь» [5, с. 274].

Типичный герой зрелого Чехова уступает натиску «мелочей жизни», натиску среды, внешнего окружения. Но при этом Чехов настаивает: не злым умыслом, не корыстным намерением, а слабостью, податливостью героя объясняется его отступление, его впадение в среду, в привычный

быт. Несопротивляемость духовного организма – таков порок героев Чехова. Герой не сознательно принимает режим ложной жизни. Он невольно, неумышленно вовлекается в круговорот будней, исподволь разрушающий его сознание и чувство. Нередко незаметно для самого себя он делается частицей той жизни, которая заставляет его страдать, от которой он хотел бы бежать.

Чехов формулировал свой творческий замысел так: «Цель моя – убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы» [1, с. 125]. В своих произведениях Чехов стремился к правдивому изображению жизни и к показу ее отклонения от нормы. Чем глубже рисовал А. П. Чехов жизненные картины, тем ярче проявлялось в них стремление к иной жизни, той, «какая она должна быть».

Читатель, постигая повседневную жизнь, которую рисует А. П. Чехов, все больше убеждается в ее несостоятельности, в ее мертвенности, в том, что жизнь должна быть другой, такой, как подсказывает совесть и разум человека.

Обвинение в адрес действительности строится у зрелого Чехова не на том, что силы богатой натуры остаются «без применения», а на том, что для «среднего» человека закрыты простые человеческие радости: поэзия труда, любви, семьи.

Замысел повести «Скучная история» А. П. Чехов вынашивал в 1888 году. Тогда и был написан первый вариант повести (А. П. Чехов писал к А. С. Суворину 28 ноября 1888 года, что пишет рассказ для «Нового времени»). Затем в Петербурге в 1888 году Чехов продолжил его, и уже в известном нам варианте повесть была написана в августе-сентябре 1889 года.

Первоначальный замысел сохранился к этому времени лишь в самой общей форме. А. П. Чехов сообщал А. С. Суворину, что по сюжету рассказа он лечит молодую даму, знакомится с ее мужем, а тот дает ему рукопись – свой «автобиографический очерк», состоящий из множества коротких глав. Чехов собирался наиболее интересные из них преподнести читателю. Рассказ должен был кончаться тем, что «осмысленная жизнь без определенного мировоззрения – не жизнь, а тягота, ужас» [6, с. 242]. Как и было вначале, это автобиографические заметки, как и раньше, это повесть о решающей роли мировоззрения в жизни человека. Однако и сюжет рассказа, и герой изменились.

Главный герой повести – профессор Николай Степанович «такой-то, тайный советник и кавалер» – одновременно является и рассказчиком, и героем своего рассказа. Повесть имеет подзаголовок «Из записок старого человека», в которых Николай Степанович рассуждает о себе, анализирует и оценивает факты внешней и духовной жизни.

«Я и ненавижу, и презираю, и негодную, и возмущаюсь, и боюсь, я стал не в меру строг, требователен, раздражителен, нелюбезен, подозрителен», – говорит о себе Николай Степанович. Это сегодняшнее его состояние. Почему он ставит себе диагноз: «отсутствует “общая идея”»? С этим диагнозом соглашается большинство исследователей повести, вплоть до того,

что глава о «Скучной истории» в одной из монографий о А. П. Чехове так и названа – «Общая идея» [3, с. 266].

Можно ли считать Николая Степановича человеком без «общей идеи», а потому духовным банкротом? Действительно ли вывод рассказчика является ключом к его истории, к его судьбе?

В самом начале записок автор подробно описывает свой «теперешний образ жизни». Он популярен, носит известное имя, которое в России «известно каждому грамотному человеку, а за границей оно упоминается с прибавкою известный и почтенный». У него много наград, знакомства самые аристократические, список которых «заканчивается такими именами, как Пирогов, Кавелин и поэт Некрасов». Сам о себе Николай Степанович говорит, что он «трудолюбив и вынослив, как верблюд, а это важно, и талантлив, воспитанный, скромный и честный мальчик» [5, с. 267]. Его ученое имя не имеет на себе ни одного пятна, «оно счастливо».

Сейчас профессор признается, что упадок сил и одряхление организма разрушающе действуют на него. Ему уже шестьдесят два. У него трясется от слабости руки, грудь впалая, рот кривится в сторону; он «болен тис`ом». Вдобавок ко всему он чувствует приближение смерти, это предчувствие мучительно, потому что профессор все еще чувствует интерес к науке, к педагогическому творчеству. Он – отличный педагог, который до сих пор удерживает внимание слушателей в продолжение двух часов, но усталость делает свое дело: он чувствует, что скоро на его месте «будет хозяйничать другой».

Жизнь профессора протекает размеренно, но бессонница не только изменила мнение профессора о себе, но и о своей жене, о дочери, которая любит его. Бессонница во втором часу ночи заставляет Николая Степановича чувствовать себя ненормальным, и он с нетерпением ждет утра, когда его придет навестить жена, начнет разговоры о расходах и т. п. И странные мысли возникают у Николая Степановича. Он смотрит на жену и думает о том, что полюбил он ее не такой, какой она стала сейчас, а полюбил за «хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту».

Отношения с женой и дочерью носят иной характер, чем это было в детстве Лизы, когда отец целовал ее пальчики. Он и сейчас целует ей пальцы, но признается себе, что он «холоден как мороженое».

Быт, бытовая сторона его жизни проявляется и в доме профессора, во взаимоотношениях с родными. На определенном этапе его педагогическая деятельность начинает превращаться в быт. Духовное начало переходит в разряд сниженного, бытового. Быт у А. П. Чехова ассоциируется с заурядной, скучной, однообразной жизнью. Быт действует негативно на творческую личность. У Николая Степановича эта заурядность объясняется тем, что он живет ощущением смерти, а высота, целеустремленность жизни оскудевает. Профессор осознает свою ненужность, не востребоважность. Он отстал от времени, либо время отстало от него. Николай Степанович живет в разных жизненных плоскостях с окружающими.

Ему стыдно. Мысли о расходах на дорогое занятие музыкой Лизы, на содержание сына офицера отравляют жизнь старого ученого, хотя он сам осознает, что «таить в себе злое чувство против обыкновенных людей за то, что они не герои, может только узкий или озлобленный человек» [5, с. 271].

Так или иначе, необходимый сам по себе будничный режим старого ученого и главы семьи оказался незащищенным от вторжения рутины, пошлости и фальши; вульгарное со всех сторон обступило «знаменитого человека».

Дорога в университет имеет не только прямое значение в жизни Николая Степановича. Это – путь становления личности. Невольно вспоминается ему история, связанная с этой дорогой: именно на этой улице в портерной произошли самые важные события, которые повлияли на дальнейшую судьбу героя. Здесь он обдумывал диссертацию и написал первое любовное письмо к жене. Эта дорога утрачивает значение основополагающее, решающее в настоящей, сегодняшней жизни профессора и сопровождается такими бесперспективными определениями, как «мрачность, унылость».

По-иному он видит университет. Здесь, в этом «храме науки» студент, который, возможно, станет в последствии известным ученым, должен видеть перед собой, по мнению Николая Степановича, «только высокое, сильное и изящное» [5, с. 272]. А эта ветхость пессимистически душил юные души, их стремление к знаниям, к постижению тайн науки.

И в университете ничто не мешает заведенному на века распорядку: как всегда профессора встречает швейцар Николай, с изумительной точностью сообщающий новые университетские новости. Так изо дня в день рассказывает Николай новости, «он хранитель университетских преданий», он помнит все.

Профессор замечает, что так помнить может только тот, кто любит. Что же получается? Этот простой человек, даже не ученый, понимает значимость всего происходящего в университетских стенах. Зато прозектор (то есть патологоанатом) Петр Игнатьевич (он «скромный, трудолюбивый, но бесталанный»), ученый человек, иначе «ломовой конь», как характеризует его Николай Степанович, зачастую не помнит известных профессоров. Сравнения Николая (швейцара) и Петра Игнатьевича заставляют сделать выводы не в пользу Петра Игнатьевича.

Николай Степанович не может выносить присутствия Петра Игнатьевича, который «пороха не выдумает», так как «это не хозяин в науке, а работник».

Николай Степанович любит свою работу, хорошо знает свое дело, говорит он «нескучно и с пользой для слушателей», как зоркий педагог, следит за всеми студентами, за их настроением, чувствует, когда они утомляются, тогда освежает их внимание. Читатель легко замечает, что профессор находится на «своем месте». Ничто не доставляло Николаю Степановичу «такого наслаждения, как чтение лекций». Только на лекциях он «мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка

поэтов, а существует на самом деле» [5, с. 277]. Глаголы «не доставляло», «мог отдаваться», «понимал» употреблены в прошедшем времени потому, что все это было прежде.

В настоящий момент лекции доставляют ученому лишь мучение, он чувствует усталость, решает, что надо прочитать прощальную лекцию. Но ему не хватает мужества так поступить. Явно осознавая, что проживет не более полугода, профессор не думает о загробной жизни, его до сих пор интересует только наука: «Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека...» [5, с. 278]. Уход с кафедры представляется Николаю Степановичу равноценным тому, что живого человека, которого «больше интересует судьба костного мозга, чем конечная цель мироздания», возмут и заколотят в гроб.

Заканчивается лекция. Теперь Николай Степанович отправляется домой. Не нравятся профессору перемены, которые произошли с тех пор, как он получил известность: вместо простых блюд его кормят какими-то изысканными, вместо приветливой горничной стоит «тупой Егор». Зачем все это? Ведь раньше профессор чувствовал себя счастливым в своей семье во время обеда. Это была его жена, а теперь и жена, и дочь «не настоящие». В доме нет прежней непринужденности, ложны, неискренни взаимоотношения с женой, дочерью, будущим зятем. Они подобны струне, которая может в любой момент порваться.

Герой задает вопрос: в чем причина этого? – и сам отвечает: «С детства я привык противостоять внешним влияниям и закалил себя достаточно; такие жизненные катастрофы, как известность, генеральство... едва не коснулись меня, и я остался цел и невредим; на слабых же, незакаленных жену и Лизу все это свалилось, как большая глыба, и сдавило их» [5, с. 294]. Значит, Николай Степанович – сильный духом человек.

По мере того как в рассказ профессора входят новые факты и лица, возрастает неприязнь рассказчика к пошлости и духовной убогости, он уже не столько недоумевает, сколько иронизирует. Об этом свидетельствует едко-ироническая встреча профессора с коллегой, оба они очень вежливы, то есть стараются это показать друг другу; они смеются, хотя не говорят ничего смешного, делают вид, что очень рады видеть друг друга. Ничего особенно важного и интересного в их беседе найти нельзя. Они прощаются, Николай Степанович провожает товарища, показывая, что готов идти за ним на улицу. На самом деле эти улыбки неестественны, они происходят «по инерции».

Иронизирует Николай Степанович и над студентом, который выпрашивает отметку, а, выйдя из дома, обзовет профессора «старым чертом».

Отпускает колкости профессор и по адресу Гнеккера, которого он презирает. Он мечтает о том, как «Гнеккер окажется авантюристом, как Лиза и жена поймут свою ошибку и как я [т.е. профессор], буду дразнить их» [5, с. 313]. Так мечтает он сейчас. А раньше его мечты были иными, он

рисовал себе прекрасные картины, его мечты сбылись, даже больше: «я получил больше, чем смел мечтать».

Можно понять пик нервного напряжения Николая Степановича, когда возбудителем страдания становится элементарное: «Я чувствую, что долее я не могу видеть ни своей лампы, ни книг, ни теней на полу, не могу слышать голосов, которые раздаются в гостиной». Можно подумать, что профессор – слабый человек, потому что он плачет, пряча голову под подушку. Что же ему делать, ведь он на грани психического срыва.

Профессор замечает, что у него появляются «новые мысли». В разговоре с Катей, опекуном которой он является, Николай Степанович чувствует необходимость пожаловаться ей, а раньше уют дома доставлял ему удовольствие.

Николай Степанович понимает, что всю жизнь он ощущал себя королем, но не судил людей, а старался не быть лишним в обществе, хотел, чтобы общество воспитывалось, брало с него пример. Сейчас же он всем и всеми недоволен, изменилось отношение к людям: «...прежде я презирал только деньги, теперь же питаю злое чувство не к деньгам, а к богачам, точно они виноваты; прежде ненавидел насилие и произвол, а теперь ненавижу людей, употребляющих насилие...» [5, с. 298].

Мысли, как видно из вышеприведенного высказывания, неприемлемы для рассказчика в принципе, так как его нравственный кодекс сводится к снисходительности и доброжелательной терпимости. Этого кодекса профессор придерживался в течение многих лет, руководствуется им всегда и во всем. А главное – он и поныне остается верен своей программе, считая ее практически ценной и целесообразной. В свете этой программы свое нынешнее мироотношение профессор воспринимает как некое заблуждение. Продолжая исповедовать добро, он, как ему кажется, стал орудием зла.

«Новые мысли» словно бы незаконно вторглись в его сознание. Стараюсь дискредитировать свои суждения, профессор ищет способ преодолеть кризис, вернуть утраченную внутреннюю гармонию.

Вдумываясь в происходящее, он делает попытку объяснить изменения в понятиях и чувствах в связи со своим физическим состоянием – с общим упадком сил. Однако его воспитанница Катя заявляет, что «болезнь тут ни причем; просто у вас открылись глаза... вы увидели то, чего раньше почему-то не хотели замечать» [5, с. 298].

Катя ближе к истине, чем сам Николай Степанович. Катя осознает преимущество непосредственного жизневосприятия перед предписаниями нравственного кодекса. Профессор потому и не в силах справиться сам с собой, что у него «открылись глаза» – хотя он сам этого признать не хочет. Повседневность, обыденность всеобъемлющи, будни захватывают даже то, что внебуднично; и человек, раньше или позже, оказывается перед необходимостью определить свое отношение к будням, осознать свою вовлеченность в будничный распорядок.

Тот факт, что обыденность «настигает» знаменитого ученого, заслуженного профессора, живущего наукой и ради науки, – этот факт под-

черкивает неотвратимость, повсеместность обыденной колее. Вдобавок сам профессор не может не задумываться над этим фактом.

Громкое имя, «ученое» имя профессора не способно оградить его носителя от будничной прозы, от бытовых проблем. Профессору горько и страшно сознавать, что его, «знаменитого человека», «судьба приговорила к смертной казни». Но с наименьшей горечью сознает он свою «приговоренность» к прозаической действительности.

Во время подведения итогов Николай Степанович констатирует: «Семейные дразги, немилосердие кредиторов, грубость железнодорожной прислуги, неудобства паспортной системы... всеобщее невежество и грубость в отношениях – все это и многое другое, что было бы слишком долго перечислять, касается меня не менее любого мещанина, известного только своему переулку» [5, с. 322-333].

Чувствуя себя заключенным в круг обыденного ритуала, профессор вместе с тем считает недостойным своего «имени» и положения вмешиваться в быт, всерьез занимать ими свой ум. Его раздражает и сам по себе пошлый жених с рачьими глазами, и то, что он думает, а точнее не в силах думать об этом ничтожестве. Жених дочери доставляет много проблем профессору, потому что все ухаживания, сватовство, свадьба вносят в дом некое мещанство, даже если в доме живет сам тайный советник.

Житейская колея, становясь всеобщей, вынуждает человека осмысливать ее, и это тем очевиднее, что мысли «о временном, о пошлом» захватывают настоящего ученого, чьи умственные усилия всегда были направлены в надбытовую, непрозаическую среду.

В ходе повествования у рассказчика укрепляется впечатление неблагополучия, которое обостряется предчувствием смерти.

Заключительная глава начинается со слов Николая Степановича: «Так как бороться с теперешним моим настроением было бы бесполезно, да и не в моих силах...» [5, с. 321]. В этой главе профессор признается, что в его желаниях нет чего-то главного и важного, что нет в его деятельности того, что называется «общей идеей или богом живого человека». А коли нет этого, значит, нет и ничего.

Что значит «общая идея»? Видимо, нужно подразумевать цель, идеал, жизненную задачу. Но какую цель, какой идеал? Ведь профессор удовлетворен своей жизнью, и, рассуждая объективно, разве не была по-своему насыщенной, целеустремленной жизнедеятельность ученого, достигшего высокой ступени в научном и педагогическом творчестве? Нельзя предполагать иную цель, лежащую вне науки, в области общественной или политической.

Но в подтверждение верности профессорского вывода исследователи склонны ссылаться на развитие отношений Николая Степановича и Кати.

Катя в юности хотела стать актрисой, хотела связать свою судьбу с театром, хотела – но не стала, не связала. Теперь она живет без определенного дела и без планов на будущее, проводя каждый день в лени.

Ложность, двусмысленность своего положения она понимает и оттого внутренне терзается. Катя спрашивает у профессора «Что делать?» – «Легко сказать “трудись” или “познай самого себя”, и потому, что это легко сказать, я не знаю, что ответить». Какую программу может профессор предложить человеку, ничем не увлеченному, ни к чему не готовому? Второй раз «что делать?» Николай Степанович слышит вскоре после того, как он поставил себе окончательный диагноз. И теперь он оценивает положение Кати в свете этого диагноза: она, подобно ему самому, страдает от отсутствия «общей идеи», их страдания имеют единую первопричину.

«Общая идея», как следует отсюда, открывает перед человеком далекую перспективу, позволяет ему сделать выбор, определить жизненный путь. Но напрашивается возражение: а разве профессор жил бесперспективно, разве у него не было своего избранного пути? Можно ли согласиться с тем, что профессор приравнивает свое несчастье к горю Кати? Нет.

Николай Степанович судит себя предельно строго, без скидок на свое положение и состояние. Он всегда готов винить себя, даже когда виноваты другие. Он не прощает себе ни припадков гнева (хотя гнев справедлив), ни проявлений объяснимого страха, ни оправданной обстоятельством беспомощности. В словах самого профессора: «во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое», – есть доля правды. Но все эти мысли, обнаруженные профессором, относятся к настоящему времени, даже к настоящей минуте. А профессор напрасно возводит это наблюдение в закон всей жизни.

В следующих словах отчетливо ощущается ужас в душевном состоянии Николая Степановича: «При такой бедности (т.е. отсутствии «общей идеи») достаточно было бы серьезного недуга, страха смерти, влияния обстоятельств и людей, чтобы все то, что я прежде считал своим мировоззрением и в чем я видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья. Ничего же нет удивительного, что последние месяцы своей жизни я омрачил мыслями и чувствами, достойными раба, что теперь я равнодушен и не замечаю рассвета» [5, с. 324].

Если бы была «общая идея», то не было бы «новых мыслей», сохранилось бы соответствие программы поведения и непосредственного мироотношения. «Общая идея» оградила бы и от внешней среды, ее разрушающего воздействия, и от болезни, позволила бы как прежде стоять над обыденным, житейским.

Благодаря не самой «общей идее», а лишь умозаключению о ней, профессор получает возможность разгадать загадку своей драмы. «Общая идея» – то объяснение всего происходящего, которого Николаю Степановичу не хватало всю жизнь.

После выхода в свет «Скучной истории» критика отреагировала на появление этого произведения, отметив сходство «Скучной истории» со «Смертью Ивана Ильича Толстого», причем не в пользу первого произведения. Однако, несмотря на ряд недоброжелателей, критика в целом все же признала значительность и жизненную правдивость «Скучной истории».

Сходство и самом деле наблюдается. В том и в другом произведении герои переосмысливают прошлую жизнь перед лицом смерти. Оба приходят к выводу, что их, казалось бы, безупречная жизнь на самом деле была прожита плохо, что в ней не было чего-то важного, что она была «не то».

Произведения между тем не похожи ни по своей художественной форме, ни по содержанию.

Если Л. Н. Толстой обличает лживость и фальшь жизни Ивана Ильича и его окружение, пустоту их жизни, то жизнь Николая Степановича никак нельзя назвать пустой, незнакома ему и поработившая Ивана Ильича ложь.

Накануне смерти внутренний голос говорит Ивану Ильичу: «Не то. Все не то, чем ты жил и живешь, — есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть» [4, с. 181].

Л. Н. Толстой открывает картину странной жизни, где нет ничего настоящего. Иван Ильич во время своей болезни понимает, что люди, которые придут проститься с ним, когда он умрет, будут договариваться об игре в карты вечером, что жена после его смерти будет узнавать, нельзя ли ей получить денег по случаю его кончины больше, чем положено.

В окружающих его людях Иван Ильич видит черствость, эгоистичность, лживость, но понимает, что таков и он сам. Его жизнь тоже была исполнена лжи и вечного стремления ни в чем не противоречить тому, что одобрялось и поощрялось людьми, стоящими на самой высокой ступени иерархической лестницы.

Иван Ильич «не был заискивающим ни мальчиком, ни потом взрослым человеком, но у него с самых молодых лет было то, что он, как муха к свету, тянулся к наивысше поставленным в свете людям, усваивал себе их приемы, их взгляды на жизнь и с ними устанавливал дружеские отношения» [4, с. 138].

Женился Иван Ильич не потому, «что он полюбил свою невесту и нашел в ней сочувствие своим взглядом на жизнь», и не потому, «что люди его общества одобряли эту партию». Он сделал это «по обоим соображениям: он делал приятное для себя, приобретая такую жену, и вместе с тем делал то, что наивысше поставленные люди считали правильным» [4, с. 142].

В этом духе определялись его отношения с людьми. Иван Ильич стремился в своих отношениях с ними «исключить все сырое, жизненное», что нарушает течение служебных дел. Изгнал все человеческое Иван Ильич и из своих отношений с семьей: «он требовал от семейной жизни только тех удобств домашнего обеда, хозяйки, постели, которые она могла дать ему, и, главное, того приличия внешних форм, которые определялись общественным мнением» [4, с. 143-144]. И эту жизнь он считал хорошей и правильной. «Радости служебные были радости самолюбия; радости общественные были радости тщеславия; но настоящие радости Ивана Ильича были радости игры в винт» [4, с. 151]. Во время болезни Иван Ильич понял, что все эти призрачные радости скрывали его одиночество и ненависть, которая окружала его.

Очень страшными были нравственные муки Ивана Ильича, ведь он не мог примириться с мыслью, что жизнь его была «не то». Он еще страдал и оттого, что скоро умрет. Толстой считал, что эти страдания были по причине глубокого эгоизма Ивана Ильича. И когда Иван Ильич смягчается, думает с чувством жалости о своих близких, тогда приходит конец его чувству одиночества и всем его нравственным мукам.

Иван Ильич «увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить... Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет.

Так вот что! – вдруг вслух проговорил он. – Какая радость» [4, с. 182-183]. Пробудившиеся в Иване Ильиче чувства любви, самоотречения означали, что он нашел себя, а вместе с тем и душевное успокоение.

В отличие от Ивана Ильича Николай Степанович, хорошо понимая, что дни его сочтены, думал о смерти. Если у Ивана Ильича страх смерти исчез, то Николаю Степановичу страшно, ему кажется, «будто смерть подойдет... непременно сзади, потихоньку... Боже мой, как страшно! ... Ужас у меня безотчетный, животный, и я никак не могу понять, отчего мне страшно: оттого ли, что хочется жить, или оттого, что меня ждет новая, еще неизведанная боль?» [5, с. 318].

Николай Степанович ожидает смерти: «последние месяцы, пока я жду смерти...» [5, с. 322], «покрыто ли небо тучами, или сияют на нем луна и звезды, я всякий раз, возвращаясь, гляжу на него и думаю о том, что скоро меня возьмет смерть» [5, с. 307]. Когда он едет мимо кладбища, то говорит, что оно «не производит... ровно никакого впечатления», хотя он знает: «я скоро буду лежать на нем» [5, с. 308].

Существенно то, что Николай Степанович не находит выхода из духовного кризиса. Это происходит потому, что путь нравственного совершенствования не кажется Чехову и его герою таким всеспасительным, как это представляется Л. Н. Толстому. Ответ на вопрос «что делать?» так и остается неведомым герою Чехова.

В чем состоит духовная драма Николая Степановича? Герой находится в состоянии душевного смятения, не может разобраться в своих чувствах и мыслях.

Николай Степанович по своему происхождению разночинец-демократ. В научной литературе существуют споры – кто такой Николай Степанович: «шестидесятник» или «восьмидесятник» [2, с. 55]. Нельзя дать точный, однозначный ответ на этот вопрос, так как взгляды профессора, с которыми он прожил всю жизнь, складывались в одну эпоху, а осознал он их несостоятельность уже в иное время.

В прошлом у Николая Степановича провинциальная семинария, мечты об университете, годы студенчества, лекарская работа, дешевая портерная, где он обдумывал диссертацию. Демократический уклад долгое время сохранялся в семье Николая Степановича даже тогда, когда он стал профессором университета.

Сам Николай Степанович не изменился и позже, став известным, хотя семья и сочла необходимым перестроить свой быт на новый, генеральский лад. Профессор с грустью рассказывает об этих переменах, которые отняли у него «и пщи, и вкусные пироги, и гуся с яблоками, и лепца с кашей», но он смог устоять и перед этим испытанием.

Николай Степанович – «равнодушный философ». В 1889 году А. П. Чехов сообщал своему брату Александру, как он понимает людей «не ноющих»: «Не ноет только тот, кто равнодушен. Равнодушны же или философы, или мелкие, эгоистические натуры. К последним должно отнестись отрицательно, а к первым положительно. Конечно, о тех равнодушных тупицах, которым не причиняет боли даже прижигание раскаленным железом, не может быть и речи» [6, с. 362].

Николай Степанович и принадлежит к числу тех «равнодушных», «равнодушие» которых есть следствие их философского взгляда на мир. Всю жизнь он был мягок и покладист. «Я никогда не судил, – пишет он, – был снисходителен, охотно прощал всех направо и налево. Где другие протестовали и возмущались, там я только сетовал и убеждал. Всю свою жизнь я старался только о том, чтобы мое общество было выносимо для семьи, студентов, товарищей, для прислуги» [5, с. 297]. Николай Степанович никогда «не совал своего носа... в политику», не вмешивался в жизнь других.

Признаком «философского» равнодушия можно считать и круг друзей Николая Степановича: революционер-демократ Некрасов, либерал Кавелин, хирург Пирогов. Николай Степанович выше политических страстей, лишен социального протеста, ему не свойственны стремления к бурным переменам.

Можно было бы считать Николая Степановича положительным, даже идеальным героем, который сочетает в себе просветительские и этические идеалы писателя. Но это не так. Сам Николай Степанович находит в своих взглядах какой-то изъян, который мешает ему жить дальше. Он приходит к выводу, что его жизнь была «красивой, талантливо сделанной композицией», но что в ней не было чего-то главного.

Несчастье профессора состоит в том, что ему не хватает цельного мировоззрения, то есть «общей идеи».

Можно предположить, что А. П. Чехов для того и избрал своим героем крупного ученого с безукоризненной репутацией, чтобы показать: «общая идея» имеет решающее значение для всех людей, независимо от рода их занятий, особенностей мировосприятия, культурного уровня. Профессор не видит выхода, он не в силах разобраться в своих взглядах.

Раньше убеждение в том, что наука «всегда была и будет высшим проявлением любви» одухотворяло научные занятия, и Николай Степанович получал от своей работы полное нравственное удовлетворение.

Начало его духовной драмы – время, когда он увидел плачевные итоги его деятельности. Он был настолько поглощен наукой, что не видел реальной жизни; он был убежден, что служит людям, но не заметил, как

ускользнула от него духовная жизнь жены и дочери. Поэтому он в недоумении смотрит на жену, не понимая, неужели это та женщина, которую он любил.

Так же проглядел он и жизнь своей дочери, не заметил, как она выросла эгоисткой, как появились у нее странные, пошлые манеры, как сблизилась с проходимцем Гнеккером. «Я гляжу на обеих, – признается себе Николай Степанович, – и только вот теперь за обедом для меня совершенно ясно, что внутренняя жизнь обеих давно уже ускользнула от моего наблюдения. У меня такое чувство, как будто когда-то я жил дома с настоящей семьей, а теперь обедаю в гостях у не настоящей жены и вижу не настоящую Лизу. Произошла в обеих резкая перемена, я прозевал тот долгий процесс, по которому эта перемена совершалась, и не мудрено, что я ничего не понимаю» [5, с. 293-294].

Вспоминает Николай Степанович теперь и то, как на глазах ошибалась и падала его любимая воспитанница Катя. Он равнодушно воспринимал и ее намерение умереть, потом смерть ее ребенка, он высылал ей деньги по ее требованию и ни о чем не беспокоился. Когда Николай Степанович получал от Кати письма с плохими известиями, он говорил: «Всякий раз я терялся и все мое участие в ее судьбе выражалось только в том, что я много думал и писал длинные, скучные письма, которых я мог бы совсем не писать. А между тем, ведь я заменял ей родного отца и любил ее как дочь!» [5, с. 289].

Теперь Николай Степанович признается, что за всем этим стояли холодность, невнимательность, безучастие к людям и полная беспомощность в решении вопросов, которые ставила перед ним жизнь. Когда Николай Степанович в Харькове получает телеграмму, что Гнеккер тайно обвенчался с Лизой, то признается себе: «Пугает меня не поступок Лизы и Гнеккера, а мое равнодушие, с каким я встречаю известие об их свадьбе» [5, с. 323]. Равнодушно он относится не только к людям: «теперь я равнодушен и не замечаю рассвета» [5, с. 324].

Выясняется несостоятельность утверждения А. П. Чехова, что равнодушие философа заслуживает положительного отношения. «Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны, – восклицает Николай Степанович. – Неправда, равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть» [5, с. 323].

В письме к А. Н. Плещееву 30 сентября 1889 года А. П. Чехов пишет: «Мой герой – и это одна из его главных черт – слишком беспечно относится к внутренней жизни окружающих и в то время, когда около него плачут, ошибаются, лгут, он преспокойно трактует о театре, литературе; будь он иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли» [6, с. 406-407].

Сейчас Чехов считает, что преданность науке является проявлением односторонности, невозможностью охватить все стороны жизнедеятельности. Николай Степанович приходит к выводу, что равнодушие есть не признак философской мудрости, а тяжкая болезнь духа – «паралич души». При этом он убеждается в своем недавнем равнодушии (которое, кстати, длилось всю жизнь) и теряет способность быть равнодушным. В момент

прозрения он получает возможность увидеть как бы впервые и жену, и дочь, и Катю, и самого себя. Потеряв способность быть равнодушным, профессор оказывается во власти новых мыслей, которых он не знал раньше и которые «жалят теперь его мозг, как москиты». Он понимает, что в прошлом был спокойным и покладистым из-за равнодушия и слепоты. Николай Степанович убежден, что новые эти мысли недостойны его как человека.

Профессор находится в безвыходной ситуации. Он считает, что смысл жизни состоит в служении прогрессу, в ходе которого будет совершенствоваться и человек, избавляясь постепенно от присущих ему слабостей. В то же время он убежден, что нормальное человеческое общество должно основываться на гуманных началах, которые подразумевают покладистость и снисходительность к человеческим недостаткам. Но жизнь показала, что гуманное отношение к людям, отсутствие каких-либо действий – это не проявление любви к людям, а проявление равнодушия.

Итак, причиной изменения взглядов Николая Степановича можно считать отсутствие определенного мировоззрения и одностороннюю направленность деятельности.

А. П. Чехов убежден, что именно любовь должна определять отношения между людьми. И это сближает Чехова с нравственным учением Толстого. Но в отличие от Л. Н. Толстого Антон Павлович не удовлетворен сделанными выводами, он в поиске, полон сомнений.

А. П. Чехов берет основные нравственные принципы Л. Н. Толстого, но по-своему показывает читателю реальную жизнь. Если трагедия жизни Ивана Ильича состояла в том, что он был отрешен от жизни, был эгоистом, то единственный выход из состояния одиночества писатель видел в пробуждении любви к людям. А Николая Степановича не в чем упрекнуть, ведь он постоянно общался со студентами, с коллегами. И не он виноват, что семья его приобрела мещанские привычки.

То просветление, к которому приходит Иван Ильич, можно считать лишь иллюзией выхода из положения. Иллюзией потому, что идея любви не избавляет от трудностей, ошибок и заблуждений. Только после осознания своего равнодушия Николай Степанович начинает видеть настоящие сложности и ошибки.

Николай Степанович по-своему любил окружающих, но эта любовь ничего не изменила: студент приходит к нему лишь ради выгоды, «приятели»-коллеги ради его известности. А Николаю Степановичу хочется, чтобы «наши жены, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а обыкновенных людей» [5, с. 324].

А. П. Чехов борется с поклонением «фирме», потому что считает: это поклонение заглушает живые человеческие чувства, мертвит и уродует даже близкие семейные отношения. Чехов противопоставляет мир искусственных, противоестественных отношений служебной и общественной сферы и мир домашних отношений людей. В официальных отношениях лживые улыбки и действия выступают часто в роли настоящих, а в интимном

домашнем мире не уместны пустые разговоры и наигранность в отношениях. Именно естественности не хватает Николаю Степановичу дома. Поэтому любовь Николая Степановича сменяется непримиримостью и ненавистью не к отрицательным явлениям общественной жизни, а к людям, осуществляющим насилие и употребляющим власть в корыстных целях, к людям, творящим произвол. Николай Степанович не в силах изменить это. Но он счастлив, так как понял причины бездуховности только в конце жизненного пути, а Кате придется очень тяжело, потому что ее чувствительная натура страдает от несправедливостей уже с детства.

Драматические события повести не были выдумкой А. П. Чехова. Молодые люди, устремленные к глубокой, осмысленной жизни, искали ответ на вопрос «что делать?». Это было типичным явлением рубежа XIX – XX веков.

Вопрос выхода из тупика в создавшемся положении остается у А. П. Чехова открытым. Писатель дает возможность последующим поколениям самим найти этот выход.

Литература

- Бердников Г. Социальное и общечеловеческое в творчестве Чехова. //Вопросы литературы – 1982. – №1. – С. 124-127.
- Гуцин М. Творчество А. П. Чехова: Очерки. – Харьков, 1954.–208 с.
- Ермилов В.В. А. П. Чехов. 1860 – 1904. – Москва, 1953. – 286 с.
- Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Повести и рассказы. – Ленинград, 1983. – 304 с.
- Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. – Т. 6. – Москва, 1955. – 528 с.
- Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем: В 20 т. – Т 14-15. – Москва, 1944-1951. – 927 с.

Лариса Грицук – старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Интересуется литературой начала XX века, жанром элегии в белорусской литературе. Автор более 35 научных и методических статей.

Larisa Gritsuk – is a senior lecturer in the Department of General and Russian Linguistics at the Brest State University named after A. S. Pushkin. Interested in literature of the early twentieth century, the genre of elegy in Belarusian literature. The author of more than 35 scientific and methodical articles.

Contact details / Dane kontaktowe:

Лариса Грицук – филологический факультет, Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, кафедра общего и русского языкознания, 224016 г. Брест, ул. Мицкевича, 28–308, e-mail: loragritsuk@tut.by.